

Ученейших и славнейших членов
священного теологического факультета в Париже
приветствует Рене Декарт

Причина, побудившая меня предложить вам это сочинение, столь основательна, и вы сами, как я уповаю, найдете ее столь достойной вашей поддержки (после того как усмотрите мотив моего начинания), что лучшей защитой моего замысла будет, если я вкратце объясню вам здесь мою цель.

Я всегда полагал, что существует два основных вопроса среди тех, кои надлежит доказывать скорее доводами философии, нежели теологии: хотя нам, людям верующим, достаточно быть уверенными в существовании Бога и в том, что душа не погибает вместе с телом, неверующим, по-видимому, невозможно внушить никакой религии и даже никакого нравственного достоинства без предварительного доказательства, с помощью естественного разума, этих двух положений; ведь поскольку в этой жизни пороки часто получают более высокую награду, нежели добродетели, немногие предпочли бы истинное полезному, если бы не боялись Бога и не ожидали в будущем загробного существования. И хотя во всех отношениях правильно верить в существование Бога, ибо этому учит нас Священное писание, и, наоборот, верить Священному писанию, ибо оно нам послано Богом (поскольку вера – дар Божий, тот, кто одарил нас благодатью веры во все остальное, способен также даровать нам веру в собственное свое существование), такое доказательство тем не менее невозможно предложить неверующим, ибо они решили бы, что это – порочный круг.

Итак, я принял во внимание, что не только вы все, как и другие теологи, утверждаете возможность доказательства существования Бога с помощью естественного разума, но что и из Священного писания может быть сделан вывод, гласящий: познание Бога гораздо легче познания многих сотворенных вещей; оно вообще настолько легко, что отсутствие его у людей может быть поставлено им в вину. Это ясно из следующих слов Премудрости, глава 13:

"...они неизвинительны: если они столько могли разуместь, что в состоянии были исследовать временный мир, то почему они тотчас не обрели Господа его?" И в 1-й главе Послания к римлянам сказано: "Неизвинителен ты, всякий человек". Там же словами "Что можно знать о Боге, явно для них" нам, видимо, дано понять, что в отношении Бога все, доступное знанию, может быть доказано доводами, извлеченными единственно лишь из нашего ума. Поэтому я и решил, что мне подобает исследовать, каким образом возникает такое доказательство и каким путем Бог познается легче и достовернее, нежели преходящие вещи.

Что же касается души, то, хотя многие считают исследование ее природы делом нелегким, а некоторые даже осмеливаются утверждать, будто, согласно доводам человеческого разума, она погибает вместе с телом и противоположный взгляд зиждется только на вере, все же – поскольку Латеранский собор, состоявшийся при Льве X, на восьмом своем заседании осудил такие воззрения и ясно предписал христианским философам опровергать подобные аргументы и по мере сил выявлять истину – я не усомнился приступить к этой теме.

Кроме того, я знаю, что многие нечестивцы не желают верить в существование Бога и в различие души и тела лишь потому, что никто, как они утверждают, до сих пор не сумел доказать ни того ни другого. Поэтому, хотя я ни в коей мере им не сочувствую и, напротив, полагаю, что почти все основания, приведенные великими людьми по этим вопросам, – поскольку они хорошо ими поняты – имеют силу доказательства, и я едва ли могу тешить себя надеждой добавить к ним какие-то новые, еще никем другим не придуманные, я тем не менее считаю самым полезным свершением в философии раз и навсегда со всем тщанием исследовать наилучшие доводы и изложить их столь точно и ясно, чтобы на будущее они явились для всех надежными доказательствами. И наконец, поскольку некоторые из лиц, коим известно, что я разработал некий метод для разрешения любых трудностей в науках – собственно, не новый, ибо нет ничего древнее истины, но часто довольно

удачно применявшийся мною в других областях, – поскольку они настойчиво просили меня испробовать его и в этой сфере, я почел своим долгом сделать такую попытку.

В данном трактате содержится все, что я смог в этом направлении сделать. Это не значит, что я постарался собрать в нем все многообразные доводы, которые могут быть приведены для решения нашей проблемы, да и не стоит затрачивать такие усилия – разве только если бы среди этих доводов не нашлось ни одного достаточно достоверного; я проследил лишь самые главные и принципиальные из них таким образом, чтобы осмелиться далее предложить их уже в качестве достовернейших и очевиднейших доказательств. Добавлю к этому: я считаю эти доводы таковыми, что не усматриваю иного пути, каким человеческая проницательность могла бы когда-нибудь отыскать лучшие; настоятельность предмета и забота о славе Божией, во имя которой все это делается, заставляют меня изъясняться немного свободнее, чем это обычно мне свойственно. Но хотя я считаю свои доводы достоверными и очевидными, тем не менее я не убежден в том, что они будут понятны для всех. Ведь и в геометрии Архимед, Аполлоний, Папп и другие выдвинули множество положений, почитаемых всеми очевидными и достоверными истинами (поскольку, взятые сами по себе, они не содержат ровным счетом ничего трудного для познания и ничего, что не согласовывалось бы в точности с предшествующими трактовками), и тем не менее из-за длиннот все это требует весьма внимательного читателя и доступно пониманию лишь немногих. Подобным образом, хотя я считаю приводимые мною здесь доводы равными по своей очевидности и достоверности геометрическим истинам или даже превосходящими их, я опасаясь, что многие не поймут их в достаточной мере – как потому, что они несколько длинны и зависят один от другого, так и, главным образом, потому, что они требуют ума, полностью свободного от любых предрассудков и способного легко отрешиться от соучастия чувств. В самом деле, на свете существует, бесспорно, не больше людей, способных к метафизическим умозрениям, нежели тех, кому по силам умозрения

геометрические. Помимо этого здесь есть и такая разница: все убеждены, что в геометрии ничто не утверждается без достоверного доказательства; поэтому невежды здесь чаще заблуждаются, признавая ложные положения (из желания прослыть знатоками), нежели отвергая истинные; в философии дело обстоит наоборот: поскольку все считается там спорным, мало кто преследует истину, большей же частью дерзают оспаривать все наилучшее, дабы прослыть людьми проницательными.

Поэтому, каковы бы ни были мои доводы, поскольку они относятся к области философии, я не надеюсь, что мои усилия увенчаются успехом, если вы не окажете мне своего покровительства. Ибо всеобщее мнение о вашем факультете столь высоко и имя Сорбонны пользуется столь великим авторитетом, что после священных соборов ни одному сообществу никогда не оказывалось столько доверия, как вашему: не только в вопросах веры, но и в мирской философии нигде не предполагается большей проницательности и основательности в суждениях, большей их безупречности и разумности. Я не сомневаюсь: если вы удостоите уделить такого рода внимание моему сочинению, вы, прежде всего, внесете в него исправления (ведь, памятуя о том, что я всего только человек и мне не дано все знать, я не утверждаю, будто в нем не содержится ни одной ошибки); далее, я не сомневаюсь в том, что, если у меня чего-либо недостает или есть что-то недостаточно разработанное либо требующее более тщательного разъяснения, вы это дополните, завершите и дадите недостающее освещение, или, по крайней мере, я сделаю это сам после вашего поощрения; и наконец, я желал бы, чтобы после одобрения моих доводов относительно существования Бога и отличия души от тела, когда они будут доведены до той степени ясности, до которой я считаю возможным их довести (то есть до степени точнейших доказательств), вы сооблаговолили публично засвидетельствовать это. Повторяю, я не сомневаюсь: если это сбудется, все заблуждения, когда-либо существовавшие в этих вопросах, вскоре изгладятся из умов людей. Сама истина заставит остальных даровитых и ученых мужей подтвердить ваше суждение; к ней присоединится ваш

авторитет, дабы атеисты – как правило, люди скорее поверхностные, нежели ученые и даровитые, – отrekliсь от духа противоречия и сами, быть может, стали защищать доводы, принятые, как они это увидят, всеми одаренными и проницательными людьми в качестве доказательств: ведь в противном случае они будут изобличены в непонимании. В конце концов и все прочие легко поверят стольким свидетельствам и на свете не останется никого, кто осмелился бы усомниться в существовании Бога или в реальном отличии души от тела. Вы сами, в силу вашей особой мудрости, можете лучше всех судить, сколь великая польза отсюда воспоследует; перед вами, всегдашними и величайшими столпами католической церкви, мне неприлично защищать здесь в более подробных речах дело Бога и веры.